



Олег Кашин

Кубик Рубика

**Олег Владимирович Кашин**  
**Кубик Рубика**  
Серия «Russian-дрим»

*Текст предоставлен правообладателем.*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=9362833](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9362833)  
Кашин, Олег Владимирович Кубик Рубика: АСТ; Москва; 2015  
ISBN 978-5-17-089391-1

**Аннотация**

После 1991 года Россия выпала из истории, и все, что нам кажется важным, все точки невозврата меняются местами, как частицы кубика Рубика.

В своем новом романе Олег Кашин (34 года, журналист, автор книг «Горби-дрим», «Роисся вперед», «Развал», «Власть – монополия на насилие», «Свежий», «Реакция Путина») перепутал все, что происходило в России на протяжении двадцати пяти лет, и доказывает, что ничего не изменится, даже если время пойдет в обратную сторону.

«Этот бал остановить нельзя, он будет идти всегда, и вообще здесь все будет всегда, и чем сильнее тебе кажется, что что-то вокруг меняется, тем тверже эта бесконечность».

## Содержание

I	5
II	7
III	8
IV	9
V	10
VI	11
VII	12
VIII	14
IX	15
X	17
XI	19
XII	20
XIII	21
XIV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

# Олег Кашин

## Кубик Рубика

*Все события вымышлены, а совпадения случайны*

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

© Кашин О.В., текст

© Гатаван Кирилл, дизайн обложки

© ООО «Издательство АСТ»

# I

В моем инстаграме от того дня осталась единственная фотография; я трусоват и не решился подойти ближе, стоял у гостиницы «Украина», поэтому обугленный Дом советов на моей фотографии – маленький и размытый, и полкадра занимает река, но танки на мосту, тоже маленькие – видны. Это был первый раз, когда я видел стреляющие танки, и те споры в соцсетях, болванками или не болванками, меня не касались, я не мог сказать по этому поводу вообще ничего. Пускай болванками, это ведь не имеет значения – да хоть конфетами. Главное – что из танков по парламенту, когда такое было?

А как они выходили из здания – это я видел только по телевизору. Усатый Руцкой в камуфляже, Хасбулатов, черная водолазка и невидящие глаза, за ними Макашов, Стрелков с Бородаем, Квачков, Удальцов, Ходорковский, Илья Константинов с бритоголовым сыном – Данилу месяц как выпустили из тюрьмы, обвиняли в убийстве, но в убийство никто не верил, даже судья, и месяц назад все радовались – надо же, есть, оказывается, в России правосудие, – а теперь Данила с отцом пойдут в Лефортово, и не найдется, наверное, больше судьи, который скажет «невиновен». В телевизионных новостях еще показывали поваленный на землю памятник Столыпину – смотрите, мол, это же вандалы, а никакая не оппозиция, – и камера снова переезжала на лица: Руцкой, Бородай и прочие.

Кого не было – Зюганова и Навального. Один, проиграв прошлым летом президентские выборы, как-то сразу померк, превратился, как Жириновский, в такую деталь думского фона – ну да, опять что-то сказал, но никого это уже не интересует, скучно, – а с другим что-то более странное. В Доме советов появлялся каждый день, и с балкона перед толпой выступал, он хороший оратор, ему были рады, но было что-то не то. Ни разу не ночевал в Белом доме, но всегда возвращался, как-то удавалось ему проходить через оцепление и обратно, а сам он по этому поводу никаких объяснений не давал, и тут уже даже не скептики, а вообще все понимающе вздыхали – мол, знаем-знаем, он всегда был какой-то мутный, и черт его знает, кто за ним стоит. Навальный еще выступал по телевизору накануне, почему-то его впервые, кажется, за все эти годы позвали к Соловьеву, и он, споря с Прохановым, говорил, что закон, конечно, превыше всего, но превыше закона – это чтобы кровь не проливалась, поэтому не поддавайтесь на провокации, силового противостояния допустить нельзя, все должно решаться мирно. Звучало это, конечно, странно – кровь ведь уже пролилась, Терехов еще неделю назад штурмовал бывший штаб Василия Сталина на Ленинградке, и тогда застрелили случайную пенсионерку в окне через дорогу, а за двое суток до штурма ОМОН на Болотной не дал демонстрантам прорваться к Кремлю – били зверски, асфальт весь в крови, хоть и без убитых. Песков накануне сказал, что надо действовать жестко, печень по асфальту размазывать, и с учетом такого пожелания омововцы, пожалуй, повели себя даже мягко, не достучались до печени, обошлись руками-ногами-челюстями – спустя два дня, когда уже и останкинские трупы собрали, и из Белого дома выносили кого-то в мешках, та Болотная казалась приветом из какой-то совсем прошлой и совсем мирной жизни. Омоновец огрел дубинкой, надо же, кровавый режим.

Кровавый режим – эта присказка родилась задолго до пролитой крови. Закрыли острую передачу на телевидении, уволили редактора из газеты, заблокировали сайт, не согласовали митинг – о, кровавый режим, то есть в этом и юмор, все ведь понимают, что ничего кровавого в этом режиме нет, так, чижигов ест иногда. «Кровавый режим» – так говорила не оппозиция, так говорили охранители, издеваясь над очередной массовой скорбью фейсбука по какому-нибудь незначительному поводу. «Кровавый режим» – это не гневный лозунг, это именно анекдот, и статус анекдота не смогла поколебать ни останкинская кровь, ни пресненская. Режим действительно повел себя вполне кроваво, но какими словами это опишешь?

Если бы об этом спрашивали меня, то я бы, наверное, сказал, что режим не столько кровавый, сколько непоследовательный, нелогичный, и октябрьская трагедия в Москве – это тоже ведь частный случай нелогичности. Лидеров амнистировали через полгода, и они уже вон, опять в Думе заседают, а рядовых юзернеймов с Болотной – четверых до сих пор маринуют в тюрьме, остальных мариновали полтора года, и когда выпустили, этому даже странно было радоваться, то есть спасибо, конечно, но год суда и полтора тюрьмы – это в связи с чем, это за что? «Отколотая зубная эмаль», – это реальный состав преступления из реальных обвинительных заключений, вот уж всем преступлениям преступление, особенно если мы знаем, что и за убитых в Москве никто ответственности не понес, даже формального расследования не было, и тем более за Донбасс – война там как бы закончилась, но кто вербовал наемников, кто солдат посылал, даже не уведомляя их, что едут воевать за границу, да в конце концов, кто «Боинг» сбил – никому до этого не было дело, и только Маркин что-то бубнил в телевизоре, жизнерадостный вестник уголовных дел обвинял «Правый сектор». Министру обороны Шойгу даже дали орден, первого в этом веке Андрея Первозванного с мечами, говорили, что за Крым, но все понимали, что за Белый дом.

## II

В Чечне полыхнуло практически сразу же. Вышли из лесу люди в папахах, засели в «доме печати», началась стрельба по всему городу, и вылизанный Грозный горел как новогодняя елка. Губернатора Кадырова, похожего на Лунтика из мультфильма, лучшего друга творческой интеллигенции и любителя социальных сетей и гаджетов, от греха услали послом в Танзанию, из Эстонии приехал симпатичный, но больше все-таки зловещий Джохар Дудаев, из отставников, генерал-летчик, назначили губернатором его, но было уже поздно. У кадыровской мечети старики каждый день танцевали зикр, Дудаев выходил к ним и, срывая овации, говорил о независимости, потом было страшное в Буденновске – Басаев, еще один неизвестно откуда взявшийся чеченский герой, захватил райбольницу, и Черномырдин звонил ему, уговаривал выпустить заложников – уговорил в обмен на коридор до Чечни, и автобусы Басаева ехали триумфальной колонной. Все ждали ответа от Москвы, и когда первый штурм Грозного (программа «Время» говорила, что это кадыровцы, но по «Дождю» показывали русских срочников в камуфляже без шевронов, как весной в Крыму) захлебнулся, и на проспекте Путина горели неопознанные танки, многие в Москве даже заговорили, что черт с ней, с Чечней, пускай отделяются, если уж так хотят, но президент решил иначе, и в ночь после закрытия сочинской Олимпиады Грозный взяли еще раз – телевизор показывал церемонию, камеры старались пореже останавливаться на напряженном лице президента, а где-то за кадром, уже не стесняясь и не переодеваясь кадыровцами, солдаты генерала Рохлина бросались на город, как будто за ним их ждала долгая счастливая жизнь, а не наоборот. Шойгу потом скажет – «мальчики погибали с улыбками на устах», но какие улыбки, штурм в олимпийскую ночь, какой-то совсем апокалипсис.

### III

Через полгода вернулся Солженицын – в газетах подробно описывали его маршрут, с Аляски в Магадан, потом из Владивостока на поезде, и видно было, что классик готовился долго и планировал тщательно, но, кажется, все зря, до него тем летом никому не было дела, потому что в Баренцевом море погибала подводная лодка «Курск», и Аркадий Мамонтов, почему-то телевидение решило отправить к месту бедствия именно его, стоя на палубе «Петра Великого», стендап на фоне бушующих волн, говорил, что есть еще надежда, и что водолазы слышали стук по обшивке, то есть ребята живы и дают о себе знать, но Мамонтову никто не верил – после шпионского камня и серии передач про «кощунниц» он уже стал таким живым синонимом телевизионного вранья, как тут ему поверить.

Кощунницы, кстати, то есть Надя и Маша, бывшие Pussy Riot, после отсидки занявшиеся правами заключенных, успели съездить и в Видяево – Кашин там встречался с ними, и даже брал у них маленькое интервью, разговаривали у подъезда девятиэтажки, в которой их отказалась принять то ли жена, то ли уже вдова одного капитан-лейтенанта с «Курска». В Видяеве было жутко и при этом не очень интересно – ничего не происходит, но все злые, все нервные, все ждут развязки, и на местных форумах писали много нехороших слов о гастролерах из Москвы, прежде всего о журналистах. Кашин оставался там, а Надя с Машей улетели в Иркутск – поезд Солженицына доехал уже до Байкала, и главный зэк позапрошлого поколения хотел пообщаться с главными зэчками поколения нашего. В «Нью-Йорк Таймс» фотографию двух улыбающихся девушек и между ними старика в розовой балаклаве – только глаза видны и борода торчит, – напечатали на второй полосе, на первой была Югославия, а про «Курск» вообще статья без фотографии. Иерархия новостей, информационное общество, и Кашин в этом обществе жил, потому что он был журналист.

## IV

Президент – на первых выборах Кашин даже за него голосовал, Кашину было девятнадцать, и он ему казался идеальной альтернативой надоевшему болтуну Горбачеву. Строитель по первой специальности, когда-то даже успел послужить в КГБ, в восточной Германии, и от тех времен осталась особая примета – задерживал перебежчика у Стены, а тот его ножом по левой руке, ампутировали два пальца, и он потом всю жизнь беспалую руку от телекамер прятал, стеснялся, часы на правой носил, было трогательно. После КГБ, еще при Брежневеве, сделал головокружительную карьеру, был первым секретарем обкома в Свердловске, а в начале девяностых стал вице-мэром в Петербурге – уже в том, в невзоровском, в голодном и бандитском, и если у него и с этой карьерой все получилось, то, значит, и по бандитской линии у него было все в порядке.

Но нравиться он мог только тогда – давно; длительное, потенциально пожизненное царствование всегда приводит к одному и тому же. В старых учебниках это описывали формулой «уверовал в собственную непогрешимость». Он уверовал, да, и даже в дни «Курска», когда его ждали на севере, он свое первое заявление сделал, не прерывая отпуска, собирал журналистов в Сочи. Тогда про него было уже все ясно. Словом «власть» чаще называли не премьеров или депутатов, а прежде всего президентскую дочку, и Коржакова, начальника охраны, и еще президентских соседей по старому дачному кооперативу под Петербургом, которые теперь все сплошь стали миллиардерами, и еще Тарпищева, тренера по теннису – вот кто тогда стал властью, вот кого ненавидели, боялись и на кого надеялись самой неприличной надеждой, что-нибудь вроде – ну вот дочка, баба же, она не допустит каких-то совсем безобразий, сжалится над народом.

Но даже это было не самое неприятное. Главное – выражение «моральная катастрофа», наверное, звучит слишком торжественно, но что это было, как не моральная катастрофа? Слова ничего не значили. Родина, будущее, а тем более народ – кто говорит о них как бы всерьез, тот гарантированно имеет в виду что-то нехорошее, что-нибудь вроде «сейчас я украду миллиард и уеду его тратить на Лазурный берег». Быть лояльным власти значило, что ты или просто глуп, или, что чаще, что тебе это самым пошлым образом выгодно. Когда накануне стрельбы по Дому советов президент собирал интеллигенцию в Бетховенском зале Большого театра – он это открыто называл «артподготовкой», но тогда еще все думали, что это образно, – интеллигенция ему поддакивала, и про всех было ясно, чего они на самом деле хотят. Мхатовский актер, прославившийся в Донецке, когда он обстреливал из пулемета украинские позиции, говорил теперь, что в парламенте засели шулера, которых надо бить канделябрами – ясно-понятно, хочет себе для театра новое здание. Певица, одно время называвшая себя русской Мадонной, спрашивала «где же наша армия, почему она не защитит нас от этой чертовой конституции» – значит, что-то было нужно и этой певице. Начальница англоязычного телеканала, молодая веселая армянка, кричала, что с парламентом надо разбираться, иначе «они нас всех повесят на фонарях», и тоже было понятно, что она, наверное, хочет себе новый телецентр, да побогаче. Быть активным сторонником власти искренне – нет, это уже тогда была просто фантастика.

## V

Президенты – люди в любом случае знаменитые, и в интернете, конечно, всегда было можно найти любую фотографию президента, но практически все его портреты – те, которые висели на стенах, и которые печатали в газетах, – это были довольно свежие фотографии, то есть те, которые сделаны в последние десять-пятнадцать лет. Старых было гораздо меньше; не думаю, что кто-то нарочно их вычищал или запрещал, просто старались лишний раз не тиражировать, и только в социальных сетях иногда кто-нибудь вещал портрет президента двадцатилетней давности и собирал кучу комментариев типа «изменился-то как» или даже «совсем другой человек» – да, именно, это был совсем не тот человек, который был когда-то и за которого я голосовал. Говорили о пластических операциях, с помощью которых он сохраняет форму своего лица и свежесть кожи, но тут ведь не в коже дело, тут что-то другое.

Он в какой-то момент полюбил приглашать журналистов, когда он занимается на татами, и вечером по телевизору его показывали, как лихо он бросает через плечо очередного подчиненного. Играл на ложках, однажды в Германии даже дирижировал оркестром и играл на рояле «С чего начинается родина», фотографировался голый по пояс верхом на коне, танцевал с певцом Осиным на концерте, когда Осин пел «Приходи ко мне морячка, я любовь тебе отдам». Поначалу это умиляло, потом злило, а потом стало – ну вот как в старом кино, когда король заходит в комнату, снимает с себя корону, вешает ее на крючок, а потом берет кофейник и льет кофе на голову кому-то из придворных – как бы говорит, что ну вот такой я самодур, а вы ко мне привыкли и даже любите меня, я знаю. И он же прав был, мы действительно к нему привыкли.

## VI

Тем летом Кашин сильно влюбился – случайно, на пустом месте. Зашел к Гале по какому-то делу, она спросила, голодный ли он, а он был голодный, и Галя поставила ему пельменей. Высыпала в кастрюлю, он стоял рядом и подумал, что, наверное, самое время полезть к ней целоваться – она удивилась, отскочила прямо прыжком в другой угол кухни, к холодильнику, но когда он тоже шагнул к холодильнику и еще раз полез к ней, она уже не возражала, и к пельменям он вернулся уже из спальни – из кастрюли пахло горелой собачатиной, вода выкипела, и есть это было нельзя, и он лег спать с Галей рядом голодный, а наутро сидели курили на балконе, она пересказывала ему фильм «Комплекс Баадер-Майнхоф», а он смотрел на ее педикюр и думал, да или нет – неуверенно решил, что да, но при этом был рад, что ему надо было бежать на интервью (у старого эстрадного певца, народного артиста СССР, обнаружился бизнес – лесопилка с военным контрактом на поставку ящиков для снарядов) – иначе бы утренняя неловкость затянулась на весь день, ничего хорошего.

Вызвонил ее вечером, когда, наверное, она уже тоже успела подумать «да или нет», и решила, что нет, потому что встретились уже не вдвоем, была компания каких-то общих и необщих друзей, и ему бы, в общем, сразу куда-нибудь слиться, но оказалось, он уже не может, и три месяца потом болтался в этой компании, и секса больше, конечно, не было, и смысла тоже не было, и даже если бы был, то вряд ли бы это ему помогло – так вести себя лучше лет в восемнадцать, а не когда тебе под тридцать, и теперь, вспоминая о тех трех месяцах, он думал даже не что-то подробно сформулированное, а что-то вроде «о черт», и если ему на что хватило тогда его взрослости, то только на то, чтобы решить, что вот доживем до дня ее рождения, это осенью, надо будет поздравить, и сразу же действительно закончить все это, хватит. От тех трех месяцев у него осталась верхняя половинка ее купальника, однажды той же компанией общих и необщих ездили в Серебряный бор, купаться, а потом к Кашину сушиться, и высохло не все, и он этот полукупальник повесил на гвоздик под потолком над своей кроватью, чтобы наглядно видеть, к чему он стремится.

Он, наверное, просто понимал, что мне именно сейчас надо влюбиться, потому что делать больше нечего и смысла больше ни в чем нет – так однажды уже было, он только что переехал в Москву, и деть себя было некуда совсем – газета, в которую он ехал, закрылась, а другую найти не получалось, жил у неприятных родственников, ни денег, ни идей, и была певица, у которой он брал интервью еще в своем родном городе, они туда приезжали на гастроли, и у Кашина остался ее телефон, он позвонил, она жила где-то под Москвой, договорились встретиться, и он поехал.

## VII

Ее город был – Кашину бы и в голову не пришло в него зачем-нибудь ехать, у города даже не было имени, зато был бетонный забор по всей городской черте и КПП на въезде. Не военный городок, но ЗАТО – закрытое административно-территориальное образование, главная база космических (он и не знал, что такие существуют) войск, и когда всех высадили из автобуса, и военный принялся проверять пропуска – кто домой, кто к родственникам, кто в гости по предварительному приглашению, – Кашин приуныл, но приунывшего всегда догонит, она всегда и везде откуда-то появляется, сердобольная тетка из местных; отвела за автобус и сказала, что если идти вдоль забора по той стороне, которая к лесу, то километра через три в заборе будет дырка, в которую нужно будет пролезть, и вот тебе все ЗАТО – внутри уже никто не спросит пропуска, все будет хорошо. Он послушался, пошел искать дырку, и через, может быть, полчаса, стоял уже у певицыного дома, звонил по телефону – ах здрасьте, здрасьте.

Наверное, уже действительно было слишком поздно, певица сказала, что ей надо спать, и что утром первым автобусом ей в Москву, и договорились, что и он тогда придет к автобусу. Ему это было уже важно, вообще ничего в жизни не было важнее, у него ведь вообще нет ничего, он совсем один, и есть только этот телефон, и тот непонятно зачем, и вот договорились встретиться завтра, и он подумал, что правильнее будет, дожидаясь ее автобуса, переночевать в лесу.

И он вышел из ЗАТО через ту же дырку в заборе, зашел в лес, сидел на каком-то пеньке, дожидаясь темноты, потом сидел в темноте, пел песню «Это было тогда, когда мы уходили из дома», потом еще ходил по лесу, потом стало совсем темно и неудобно, или даже страшно – лес, ночь, что он здесь вообще делает, и в какой-то момент сдался, вышел к трассе, сел на автобусной остановке, снова пел песню, местами даже не пел, а орал, потому что трасса шумная, потом около него, то есть около остановки, вряд ли в Кашине было дело, остановился «Камаз», из кабины выпала женщина в леопардовом, красивая, с ногами, но и с подбитым глазом, лет, наверное, тридцати, села с ним, – так, наверное, и выглядит судьба, – сразу рассказала, что просила водителя просто подвезти, а он неправильно понял и хотел секса, а она не хотела, и он разбил ей глаз, а если секса хочет Кашин, то дело, конечно, его, но у нее у бойфренда ВИЧ, и она его как раз сегодня бросила, но не поэтому, а потому что просто надоел, и ехала теперь к маме, которая где-то по этой дороге и живет, еще километров двести, и хотела у нее поужинать, но, видимо, уже не поужинает, а сегодня не ела, и вот нет ли у Кашина поесть? Кашин сказал ей вставать, повел ее к дырке в заборе, ночное ЗАТО не веселее леса, темно и безлюдно, но есть ночной магазин, и они купили копченую курицу и большую пластиковую бутылку пива; женщина в леопарде села с курицей на лавочке прямо перед магазином, Кашин открыл пиво, отпил и подумал, что ведь это все-таки ЗАТО, и что если по нему ходят патрули космических войск, то ему им нечего будет возразить, и позвал женщину с собой в лес, а она сказала, что должна доесть курицу, Кашин обиделся и ушел в лес с пивом сам, и допил его в лесу, и утром, наверное, от него отвратительно пахло пивом, да и лесом, но певице, конечно, уже было не до него, хотя в назначенный час они и встретились у подъезда.

Она была с папой, маленьким испуганным мужчиной, Кашину показалось даже, что она его бьет, но за это не поручусь, а что точно – орала, и когда папа убежал, она объяснила, что он проиграл все сбережения в казино, и влез еще в долги, и ей пришлось самой расплачиваться, отдала все свои концертные гонорары, – молодая певица, небогатая, – и ей теперь грустно, и она хоть и не против, что в автобусе Кашин с ней будет сидеть рядом, но

надо договориться сидеть молча, потому что она сейчас не в том настроении, чтобы о чем-то разговаривать.

И они сидели в автобусе молча, и уже совсем у Москвы она вытащила из-за пазухи шоколадный глазированный сырок, протянула ему – Хочешь? – и он, как обещал, молча взял его, съел, был счастлив – Боже, Боже, все-таки я здесь не чужой, меня даже угощают сырком.

Дня через три или четыре его взяли на работу в другую газету, чувство, что он никому не нужен, прошло, певиче больше не звонил.

## VIII

Зачем люди едут в Москву – это физика. Россия – вогнутая поверхность, и Москва лежит в самой низкой ее точке. Москва – это дно России. Если у тебя достаточно сил, чтобы оторваться от своего краешка, или наоборот, и это более распространенный случай, если ты на краешке еще не закрепился – ты скатываешься вниз, на дно и оказываешься в Москве, и дальше у тебя цель – опять наверх, гравитация тебе уже не друг. Но по дороге туда ты именно дружишь с гравитацией, она сама тебя тянет в Москву, тот редкий случай, когда ты сам хочешь на дно.

Он помнит себя в квартире в Сокольниках, вечеринка, на которой он всех видит впервые в жизни, но это не имеет значения – все в курсе, что он вчера приехал из Калининграда, и всем весело, и ему тоже. В Москву он ехал, как человек из анекдота, насмотревшись сериала, ехал в Санта-Барбару – «я же всех там знаю». У него уже был ЖЖ, который только входил тогда в моду, и в Москве было одно кафе, где все люди из ЖЖ собирались, и он туда пришел прямо из аэропорта, а потом со всеми, с кем сидел за столом, поехал к кому-то из них в Сокольники. Из его постоянных френдов там был один Патрик – он давно его знал, то есть знал, что он думает о войне в Ираке и об азербайджанцах (он всех азиатов называл почему-то азербайджанцами, даже индусов), знал, что он был скинхед, но теперь стал кем-то в фэшн-бизнесе, отрастил волосы, и подробности его отношений с белой и другими расами можно было узнать, только если он разденется до пояса – а он как раз и разделся, почему-то ему захотелось сразу же по прибытии в Сокольники, вымыться до пояса, и он ходил полуголый по квартире, сверкая свастиками, а нательный крест, который он с себя снял и повесил в ванной на гвоздик, так там и остался висеть, забыл его Патрик, и Кашин смотрел на тот крест под утро, когда ходил в совмещенный санузел блевать в связи с плохо рассчитанным объемом выпитого.

Это была квартира девушки Патрика, она сама была из Калуги, работала, что ли, в турагентстве, и, – Кашин отметил про себя, что это удобно, и что вот бы ему тоже так, – часть зарплаты ей платили этой квартирой, кому-то из ее начальников она принадлежала, и девушка Патрика там жила, ничего не платя за жилье, но получая при этом на работе какие-то совсем копейки. Патрик на свою девушку почему-то в тот вечер не смотрел, интересуясь толстой полуготичной брюнеткой, причем очень подробно так интересуясь – она спрашивала, на каких скинхедских поворотах судьбы он растерял свою эрекцию, а Патрик отвечал, что ничего он не растерял, и полуготичная брюнетка сама сможет, если захочет, в этом убедиться, но только если ртом, потому что более детально сейчас нельзя, ведь рядом его девушка – сама девушка смеялась, она сидела позади Кашина, он на диване, а она на спинке, то есть одна ее нога была слева от него, вторая справа, а где-то около его шеи было вообще тепло и хорошо, и вот с этого тепла, видимо, его Москва и началась, но это она просто так интересно сидела, а Кашин больше интересовал ту брюнетку, которую клеил Патрик – она тоже знала, что он приехал из Калининграда, а она в Калининграде, по ее словам, потеряла невинность еще в двенадцать лет, и поэтому Кашин ей уже не чужой. Она была в таких широких штанах, села рядом и зачем-то попросила Кашина снять с нее носки, и это была, видимо, такая шутка, потому что на ней были не носки, а колготы, а он-то поверил, что носки, и лез руками, лез в эти широкие штанины, и долез до того предела, за которым надо было уже выходить в соседнюю комнату, и когда они оттуда вернулись, то Патрик уже интересовался только своей девушкой, и вообще такая вот вечеринка – Кашин ведь даже не понимал, что пройдет много лет, и он будет ее вспоминать как такое важное событие. И что пройдет много лет, а в России так и не сменится президент.

## IX

Когда загорелась Останкинская башня, это вдруг оказалось таким потрясением, как если бы Кремль загорелся, и со Спасской башни на брусчатку упала бы рубиновая звезда, и разбилась вдребезги. Телевидение было важнее армии, главное силовое министерство, главный политический ресурс, главное все.

То есть, конечно, оно было и главным народным развлечением, но это какая-то параллельная и побочная традиция, что-то оставшееся с советских времен – накрыть стол на Новый год, соорудить оливье, включить «Голубой огонек» – да, наверное, важно, но не настолько. Важнее любого оливье было вот это – музыка Свиридова, тревожная физиономия нестареющей верховной дикторши, про которую можно было подумать, что где-то на пыльном чердаке под замком одиноко старится ее парадный портрет, такое вот волшебство. Она начинала с того, что сегодня случилось в жизни президента, потом – что хорошего в стране вообще, потом – что плохого в мире. Вечный сценарий, зимой и летом одним цветом, только в новый год в студии появлялась елочка, а в начале мая на дикторшу надевали полосатую черно-оранжевую (оппозиционеры говорили – «колорадскую») ленточку, символизировавшую единство миллионов телезрителей в дни единственного торжества, доставшегося России от ее славного прошлого – день 9 мая когда-то был профессиональным праздником ветеранов, а теперь они поумирали, и это стал просто такой день верности президенту, это ведь он придумал такую религию.

Причем странно – постсоветское телевидение ведь не напрямую наследовало советскому, наоборот, оно рождалось как полуподпольная альтернатива ему. Был «Дождь», вещавший из студии, оборудованной в чьей-то квартире, были «Вести» с нарисованной птицей-тройкой в заставке и пьяными режиссерами прямого эфира, ошибки которых уходили в фольклор, как раньше (теперь-то их перестали снимать) эпизоды из советских кинокомедий. Но шли годы, вместо квартир уже были огромные и дорогие студии, вместо тройки – двуглавый орел, и то Останкино, которое помнили старики, стало тем, которое знаем и, видимо, никогда уже не забудем мы.

Сначала были какие-то разные каналы, и когда была война на Украине, репортеры «того», старого НТВ даже называли донецких сепаратистов террористами, а украинских военных – «нашими», но НТВ еще до окончания войны технично отжала у собственников какая-то госкомпания, близкая к Коржакову, канал исправился, стал еще более патриотическим, чем любой другой, а его директора, популярного усатого телеведущего, застрелили в подъезде собственного дома – говорили, что это был передел на рекламном рынке, и все поверили, всегда приятнее, когда за убийством стоит что-нибудь грязное, и когда одинаково нечестны и убийцы, и убитый.

Телевидение действительно было и оставалось очень дорогим учреждением, и, кроме того, я бы даже не решился утверждать, что у власти были какие-то ценности выше денег – но все-таки покорение телевидения и владение им это было совсем не то же самое, что, например, покорение и владение нефтяной отрасли. К телевидению российский президент испытывал вполне мистическое отношение – даже во времена всеобщего интернета он, придуманный и рожденный как политик именно телевидением (свои первые выборы он выиграл, когда режиссер протащил его в зал, где снимали игру КВН, и камера несколько раз на протяжении всего шоу выхватывала его из толпы; нет точных данных, сколько голосов ему прибавила именно та действительно сверхпопулярная передача, но он верил, что именно она стала решающей, и того режиссера не забыл, отдал ему монополию на телевизионную рекламу, то есть очень дорого оценил человека), всегда беспокоился о том, чтобы телевидение оставалось под абсолютным контролем, чтобы в самой случайной передаче, в самое

неудобное время, утром или днем, не прозвучало ни одной неосторожной фразы, не промелькнул бы ни один неосторожный жест. Это давно уже не имело никакого практического смысла, но порядок соблюдался жестко, и руководители всех телекомпаний, объясняя коллективу очередные задачи на новый телевизионный сезон, всегда начинали с того, что работать надо так, как будто у нас есть единственный зритель – президент, у которого всегда включены все каналы и который всегда заметит, если в эфире что-то не так. И в аппаратных были развешаны портреты президента, везде одинаковые, видимо, специальная версия для телевидения: взгляд исподлобья и указательный палец поднят кверху, что-то вроде «Я тебе попереключаю!»

Телебашню на севере Москвы еще в советские годы поэты сравнивали со шприцем, а теперь-то это был даже не шприц – капельница, под которой страну держали постоянно; следствие так и не выяснит причину пожара, хотя сначала даже думали, что теракт, но нет, никакого терроризма, просто советская сталь и советские бетон, нагруженные теперь новой пропагандистской обязанностью, не выдержали, и, если власть не понимает, насколько архаичен этот культ телевидения, то пусть огонь объяснит ей. Но никто все равно не понял, башню чинили круглосуточно, и когда телевидение через месяц вернулось к «полному объему вещания», президент даже нарочно сыграл в этот день в хоккей со сборной звезд – он всегда хотел, чтобы его все видели, чтобы все любили.

## Х

Тот единственный после танков на Пресне раз, когда можно было поверить, что что-то может измениться – это было, когда американцы начали бомбить Белград; до того, кажется, никто особенно ничего и не думал ни о каком славянском братстве, но бомбить Белград – это было уже слишком, но сейчас, когда я об этом вспоминаю, мне делается ясно, что это касалось не всех, а как раз только нас – приезжих, таких, как я, и опоздавших, моих ровесников москвичей, которые, когда начиналась эпоха, только учились в своих гуманитарных заведениях, писали что-то о политике где-то в интернете, все порознь, но формулировали что-то коллективное и важное – про Россию, про реванш, про, как тогда говорили, кризис либерализма, но претендовать им было вообще не на что, и в этом смысле мы с ними друг от друга не отличались. Антиамериканизм – легкий и запакованный от греха в несколько слоев иронии, был частью этой коллективной формулировки, которая была нашим паролем и которая отличала нас от уже сильно постаревших прорабов перестройки – они теперь были всюду главными редакторами, университетскими профессорами или видными политологами. Нашим манифестом был фильм режиссера, которого мы любили, он сам по себе был нашим паролем, этот режиссер, и в том его фильме русский бандит ехал в Америку, побеждал там местную мафию, и потом возвращался домой с вырученной из плена царевной, и царевна просила бортпроводника в самолете – «Мальчик, водочки, мы домой летим». Мы тоже хотели домой, но мы не знали, где этот дом и как он выглядит, и, наверное, пытались его реконструировать, подбирая подходящих нам добрых соседей и братьев. Мир вспомнил о сербах, и мы за ним вспомнили – о, точно, сербы, вот они наши братья, и мы ходили пикетировать американское посольство, однажды его даже кто-то обстрелял из гранатомета, и мы шутили, что не имеем к этому, конечно, отношения, но гранатомет и перчатки (стрелявший бросил у посольства гранатомет и перчатки, а сам скрылся, найдется только через год, окажется известным скульптором) просим вернуть.

Премьер-министром тогда был Примаков, горбачевских времен дипломат и профессор, энтузиаст модернизации, автор лозунга «Свобода лучше, чем несвобода» и вообще, видимо, хороший мужик. Он летел в Америку; его ждали в Купертино, впервые Стив Джобс был готов подарить российскому политику новый айфон за неделю до официального релиза. Но когда Примаков вылетел из Москвы, американцы начали бомбить сербов, и он развернул свой самолет над океаном, вернулся в Москву – с американцами, которые бомбят сербов, русскому премьеру разговаривать не о чем. Мы восхищались Примаковым, и он казался даже логичным следующим президентом, хоть и был старше нынешнего – тогда вообще казалось, что у нынешнего что-то нехорошее со здоровьем, он даже сделал операцию аорто-коронарного шунтирования, и хотя Песков говорил, что это просто травма на татами (президент занимался дзюдо, это было известно), слухов об инфаркте не удалось скрыть, и говорили, что это Коржаков нарочно все сливает в прессу, подыгрывает Примакову.

Тогда это называлось – «раскол тандема», и это продолжалось до сентября, а потом президент с Примаковым на очередном съезде своей партии объявили, тоже модный политический термин, «рокировку», смысл которой состоял в том, что никакого Примакова больше не будет, а будет только президент и, видимо, навсегда, но это даже ладно, в конце концов, Примаков ведь нам ничего и не обещал, только намекал. Что действительно расстроило – что теперь он, Примаков, с тем же выражением лица говорил, что это они с президентом давно так запланировали, что он уйдет, в этом состоит их хитрый план, с которым не надо спорить, а надо просто верить, и вот это действительно было омерзительно.

А американцы ведь тем временем продолжали бомбить этот чертов Белград, то есть одно наложились на другое, и когда на следующий день по фейсбуку прошло, что вечером

на Чистых прудах будет пикет в поддержку Белграда – какие-то неинтересные леваки его сто лет назад запланировали строго в соответствии с драконовским митинговым законодательством, – на этот пикет вдруг пришла ну не вся Москва, конечно, но было такое ощущение, что вся, и была даже сцена с ораторами, которых никто не слушал, но когда Навальный сказал, что дальше это терпеть нельзя, и что давайте пройдемся хотя бы по Мясницкой до Лубянки – толпа легко прорвала милицейскую цепочку и действительно двинулась вверх по улице – то ли к Лубянке, а то ли и к Кремлю. Это было красиво; достаточно сказать, что, когда прорывались к Мясницкой, милиционер схватил одну девушку за руку – нельзя мол, – а ее в ответ прямо на него стошнило, и милиционер отступил.

## XII

Как же меняется город, если на улицу в нем вдруг выходят люди; выражение «люди вышли на улицу» – это совсем не «несанкционированный митинг протеста», это гораздо сильнее. На «митинги протеста», сколько мы их видели, ходит особая митинговая аудитория, точно так же, как на концерты ходит аудитория концертная, а в театры – театральная. «Люди вышли на улицу» – это когда обыватель превращается в гражданина, меняется его осанка и выражение лица. Когда милиционер, наоборот, скукоживается, словно хочет вылезти из своей форменной курточкой и уползти туда, где никто его никогда не найдет. Каждая проезжающая машина с правительственными номерами выглядит теперь так, что про нее почему-то сразу понятно, что она едет не по важному государственному делу, а прорывается к аэропорту, или даже не к аэропорту, а просто куда глядят – подальше от улицы, на которую вышли люди. А они вышли, вернули себе город, пускай их мало, хоть двадцать тысяч, хоть десять, да даже если бы была тысяча – вы давно видели, чтобы на улицу просто так выходила тысяча?

Это был незабываемый вечер, а уже к ночи Мясницкую открыли, а дошедших до ее конца развезли по городским обезьянникам – кого в Восточное Измайлово, кого в Капотню, а кому повезло, тех и по центральным ОВД, – ритуальная, в общем, мера, даже хулиганство не вменишь, люди же действительно просто шли по улице, и милиция в таких случаях уже привыкла выписывать какие-нибудь глупости – «переход дороги в неположенном месте», «ругался матом» и так далее, это тоже обычная митинговая традиция, но вечер-то незабываемый, и ночь тоже – мы собирались у милицейских ворот, стучались в дежурную часть, ругались или наоборот, радовались, когда выходил какой-нибудь полковник и говорил, что в порядке исключения он передаст задержанным вот эти бутерброды, – не хотелось расходиться, как в детстве в новогоднюю ночь. Страх, что завтра проснешься, и окажется, что все как раньше, что все, как будто люди и не выходили на улицу – показалось. И сотни задержанных – это даже в каком-то смысле было здорово, потому что если живой человек сидит за реальной решеткой в реальном обезьяннике, значит, это не сон, значит, что-то действительно происходит, и что-то произойдет еще.

## XII

А что произойдет завтра – это даже было понятно. Тридцать первое число; еще давно, когда была война в Донбассе, и партийцы Лимонова решили, что теперь российское государство с ними заодно, был на площади Маяковского митинг – «Донбасс, мы с тобой!», «Киев русский город!», «Наши МИГи сядут в Риге!» и так далее. Но Лимонов – он только внутри себя сегодня заодно с государством, а завтра не заодно, государству-то до этого нет никакого дела, оно Лимонова как вписало когда-то в список врагов, так и не выпишет больше никогда, хоть Лимонов проползи по Красной площади голый с портретом президента в зубах. Плакаты порвали омовцы, кого-то побили, кого-то забрали, и был еще вообще далекий от политики дядька откуда-то из регионов по имени Мохнаткин – он шел в гости с бутылкой шампанского, и милиция из-за этой бутылки сочла его злоумышленником, потащила в автобус, он полез драться и оказался единственным, кого после того митинга прямо настоящему посадили в тюрьму, пять лет общего режима за сопротивление сотрудникам при исполнении.

«Свободу Мохнаткину!» – уже безо всякого Донбасса под этим лозунгом лимоновцы собрали людей на той же площади 31 числа следующего месяца, потому что в конституции 31-я статья – это свобода собраний и митингов. Получилась такая традиция: если месяц длинный, то на Триумфальной (ее переименовали давно, но название долго не приживалось, все говорили «площадь Маяковского», а тут Лимонов постоянно – Триумфальная, Триумфальная, – а за ним и пресса, а за прессой люди) вечером будет много ОМОНа, Лимонова схватят первым, остальных будут хватать одного за другим. На шестой, наверное, месяц традицию подхватила всякая недовольная интеллигенция и молодежь, людей становилось все больше, и даже когда площадь перекопали якобы для археологических раскопок, это не помогло, люди все равно собирались, но любая традиция когда-нибудь идет на спад, и вот сейчас она как раз уже почти выдохлась, только Лимонова и его друзей каждый месяц милиция устало хватала.

А тут – незабываемый вечер на Чистых прудах, и под утро кто-то первый вспомнил, что наступает тридцать первое число, потом по фейсбуку все подхватили, и как-то быстро стало понятно, что впереди еще один незабываемый вечер, теперь на Триумфальной площади.

## XIII

Что на Триумфальной был ОМОН – этого ждали, это не сюрприз. Чего не ждали, хотя стоило бы – нашисты, конечно. Когда на Украине была революция, у них это называлось титущки, боевики-наемники, которые разбираются с демонстрантами, не будучи скованными милицейскими условностями. У нас это нашисты. Сколько лет их готовили к этому дню – дню, когда люди выйдут на улицы. Все про них знали, для чего они нужны. Был их лагерь на озере Селигер, были их демонстрации – огромные, бесконечные, специально для того и придуманные, чтобы их можно было сверху фотографировать и потом показывать – смотрите, сколько их, бойтесь. В нашисты набирали молодежь из бедных семей, обычно не из Москвы, но чтобы была автобусная досягаемость до Москвы, даже Питер – это уже далеко. Но школьники и пэтэушники – это такие младшие нашисты, только для больших демонстраций. Самое злое было – футбольные хулиганы. Начальство нашихтов, и это тоже давно все знали, очень плотно работало с футбольными хулиганами, с теми, которые дерутся после матча, или даже не после матча, а просто – то ли народный вид спорта, то ли военная игра, потому что и драки армия на армию, и разведки, и контрразведки, и захват пленных и много чего еще. Нашистское начальство занялось ими лет десять назад. Кого можно купить – купили. Кого купить было нельзя – кого-то из милиции однажды выручили, кому-то с работой помогли, с кем-то просто осторожно дружили, выпивали и по миллиметру завоевывали симпатию и доверие. Нашистский околофутбол был среди болельщиков всех московских клубов, и хотя остальные на них, конечно, косились неодобрительно, ничего недопустимого с околофутбольной точки зрения нашистские хулиганы не делали. Охранял лагерь на Селигере – ну и что, охранник вполне достойная профессия, никакого зашквара. Ходили на какие-то митинги – ну мало ли кто на какие митинги ходит, футбол не знает разницы между коммунистом и либертарием, человек ведь имеет право на политические взгляды. Никаких особенных скандалов за эти годы с нашистским околофутболом не случилось (только однажды, в самом начале, побили лимоновцев у метро «Автозаводская» – но то ведь лимоновцы, не пенсионеры какие-нибудь, они и сами за себя постоять могут, так что все тоже в пределах допустимого), просто – вот так копилась туча, и у каждого, кто хотя бы раз думал о Москве как о городе мирной демократической революции, к этим мыслям примешивалось обреченное – ну вот, выйдем на улицу, а там нашисты.

И вот мы вышли на улицу, и там действительно нашисты. Перекопанная Триумфальная площадь, выход из метро (а у метро омовцы и еще милиционер с мегафоном, бубнит поминутно – «Проходим, не задерживаемся»), намекает на что-то явно), и все узкие пространства – колоннада концертного зала, тротуары, кусок проезжей части до забор с раскопками, – заполнены народом. То есть народ – это те, кто вышли митинговать, а еще ОМОН, и еще нашисты. Какие-то действительно футбольные лица, и внушительные фигуры – да, в подворотне такой кого угодно запинаят, но то подворотня, а это площадь, и нас на ней – уже тысячи, и будет еще больше, – а их, с футбольными лицами, ну пускай человек пятьдесят, даже не сто. И еще человек, может быть, двести по другую сторону забора, и там-то как раз младшие нашисты, то есть какие-то некормленные дети и все почему-то с барабанами, выдали им барабаны зачем-то.

Митинга так и не вышло, милиция кого похватила (была журналистка светской хроники Божена, даже ее забрали, и она кричала фотографам – «Снимайте меня, снимайте, я Божена», – и все смеялись), кого просто прогнали, но главное впечатление все равно было – нашисты.

Их сколько лет растили, кормили, не жалели на них денег, устраивали гигантские демонстрации совершенно без повода, просто чтобы потренироваться заполнять собой пло-

щади. Лагерь еще этот селигерский, тренировки всякие, семинары, промывание мозгов. Вкладывались в них, вкладывались, и все ради одного дня – вот как раз этого дня, который наступил сейчас. И где результат? Дети с барабанами? Или те громилы, несколько десятков, которые потоптались-потоптались, да и исчезли? И это все? И оно того стоило?

Вот это, конечно, потрясло. Русские тонтон-макуты, погромщики-наемники – не вышло, не справились. Даже у несчастных украинцев получились титушки, которые хоть и проиграли, но хотя бы попробовали – а тут-то что где? Неужели просто разворовали деньги, которые Кремль тратил на наших, и даже не потрудились хотя бы изобразить, что что-то сделали? Вот уж прав Навальный – партия жуликов и воров. Даже не убийц, просто жуликов и воров, не больше.

– Партия жуликов и воров, партия жуликов и воров! – орет утаскиваемый омовцем в автобус парень, знакомое лицо, и уже когда он высовывается из автобусного окна – уже молча, уже просто смотрит, я вспоминаю, где я его видел. Три года назад. Лагерь наших на Селигере.

## XIV

Уже когда расходились с Триумфальной, Кашин познакомился со Светой – ну, как познакомился, стоит девочка и плачет, нехорошо проходить мимо. Кашин ее тоже узнал – час назад пробиралась от метро с большим барабаном в руках на ту сторону, то есть нашистка из некормленных, и нашистке, конечно, стоило выбрать другую дорогу. Час назад Кашин ее видел окруженную хохочущей толпой; вообще в чем главный минус выхода людей на улицу – они почему-то быстро превращаются именно в толпу, и кто-то затеял с ней дискуссию в формате «эй, дура, объясни нам, почему ты за президента» – на ютубе потом было много роликов с ней, она говорила всякие глупости, что мы при этом президенте стали, дословно, «более лучше одеваться». Теперь стоит одна и плачет. Чего плачешь? – Ну вот барабан отбрали. – Ну и дался тебе этот барабан, пошли вон в кафе погреемся – и он потащил ее в узбекскую чайную на углу. Может, расскажет заодно что-то.

У дверей узбекского заведения топтались двое в камуфляже, и, проходя мимо них, он старался не встречаться с ними взглядом – к опасным людям, он давно это выучил, относиться стоит как к подозрительной уличной собаке – не убегать, но и не подставляться. Это совсем не героическое отношение к жизни, Кашин это знал, и еще он знал, что если бы он восемнадцатилетний встретил себя сегодняшнего, то старший на младшего произвел бы самое дурное впечатление – с годами Кашин, как и положено, стал человеком именно того типа, который ему не нравился в юности. Хотя он сам не нравился себе и тогда; восемнадцатилетие – это как раз возраст если не героизма, то ада, хоть алкогольного, хоть сексуального, хоть творческого, хоть гражданского. Возраст страстей, каких угодно, это не имеет значения. И того, что он, как было ясно теперь, бездарнейше расходовал этот возраст на обычную жизнь живущего с родителями второкурсника – вот этого он себе никогда не простит.

Родись он чуть позже, было бы больше и возможностей. Да как минимум поехать на Селигер и стать нашистом – он, понимая, какая нашисты гадость, всегда понимал, что будь он лет на пятнадцать моложе, сам бы с удовольствием в эту гадость погрузился. Или даже не в нашисты – обрил бы себе голову, вытатуировал бы что-нибудь кельтское, прибил бы к компании таких же и ходил бы гонять по улицам антифу и нерусских. К двадцати годам, может быть, сел бы за убийство – ужасно, конечно, но он бы, наверное, был и этому рад. Или, чтобы без убийств, но с книжками – вступил бы к Лимонову, читал бы вперемешку Дугина, Бакунина и Грамши, восхищался бы бароном Унгерном и Курехиным. Но это если говорить о доступном, а если прямо мечтать, то в свои восемнадцать он, засыпая, думал о такой сложносочиненной мечте, мечте из нескольких важных условий.

Главное условие было политическое. Чтобы в Москве была власть, которая думает об истории, об империи и о всяких прочих великих вещах, одна из которых, конечно – собиранье народа. В кашинские края тогда ехали русские из Казахстана, их было много, и за неимением достаточного количества настоящих пришельцев (в Москве-то уже были и кавказцы, и азиаты) раздражали прежде всего они. Раздражать раздражали, но он же умный был и понимал, что если решать проблему, то искать надо ее базовую причину, а не бороться с симптомами. А причина была понятно какая – Казахстан, чужая теперь страна, и казахи в нашей южной Сибири строят себе свою собственную страну, в которой русским места нет, и поэтому они едут к нам. То есть чтобы не ехали, надо разобраться с Казахстаном.

И вот та власть, о которой он мечтал, она, конечно, нашла бы где-нибудь в Усть-Каменогорске каких-нибудь местных казаков – да каких угодно, пускай самых дурацких. Чтобы казаки митинговали – хотим отделиться, хотим в Россию, и чтобы казахская полиция их гоняла и арестовывала. И чтобы однажды, когда уже к демонстрациям все привыкнут, схватили атамана этих казаков – такого загадочного и немногословного дядьку, про которого в

газетах бы писали, что он бывший спецназовец, а на самом деле – очень даже не бывший, а действующий, российский.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.